

«АТЛАНТ РАСПРАВИЛ ПЛЕЧИ» А. РЭНД И «ЧТО ДЕЛАТЬ?» Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО КАК РОМАНЫ ИДЕИ «РАЗУМНОГО ЭГОИЗМА»¹

К.Н. Мирасова

Аннотация. Популярность американской писательницы и философа русского происхождения Айн Рэнд (1905–1982 гг.) граничит в США с сотворением её культа. Многие идеи писательницы активно используются политиками консервативного крыла. Несмотря на заявленную А. Рэнд оригинальность собственных идей, очевидно сходство этических воззрений писательницы с теорией «разумного эгоизма» Н.Г. Чернышевского. В данной статье анализируются магнум опус обоих авторов с целью выявления своеобразия категории «разумного эгоизма» в их творчестве. В основу данного исследования легли некоторые положения работ американского исследователя К.М. Скьябарры «Айн Рэнд: Русский радикал» и русского культуролога А. Цветкова «Достоевский и Рэнд», включающие творчество А. Рэнд в контекст русской философской мысли. В качестве точек соприкосновения романов «Атлант расправил плечи» и «Что делать?» рассматривается их использование в качестве политических манифестов и воздействие на историческое развитие в России и США. Также анализируется литературное своеобразие романов и объясняется невысокий уровень художественности, характерный для обоих произведений. Полученные выводы позволяют заявить, что трактовка «рационально эгоизма» Рэнд тяготеет к западной традиции индивидуализма, однако в ней присутствуют и русские черты, проявляющиеся в преодолении противоречия между личностью и обществом.

Ключевые слова: разумный эгоизм, А. Рэнд, Н.Г. Чернышевский, политический манифест, объективизм, утопия, массовая литература, индивид и общество.

Мирасова Камилла Наилевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, kamila88@yandex.ru.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-60009.

“ATLAS SHRUGGED” BY A. RAND AND “WHAT IS TO BE DONE?” BY N.G. CHERNYSHEVSKY AS THE NOVELS ABOUT “RATIONAL EGOISM”

K.N. Mirasova

Abstract. The popularity of the Russian-born American writer and philosopher Ayn Rand (1905–1982) borders with cult-making in the USA. Many of her ideas are actively used by conservative politicians. Despite Ayn Rand's persistent declaration of the uniqueness of her philosophy, her ideas can most evidently be traced to the theory of “rational egoism” by Nikolay Chernyshevsky. The goal of the current study is to analyze the magnum opuses of both writers in order to identify the peculiarities of the category of “rational egoism” in their creative work. The study is theoretically based on the works by Ch.M. Sciabarra “Ayn Rand: The Russian Radical” and A. Tsvetkov “Dostoevsky and Rand”, which consider Rand's work in the context of the Russian philosophical thought. In the study, “Atlas Shrugged” by Rand and “What Is To Be Done?” by Chernyshevsky are examined as political manifests that influenced the historical development of Russia and the USA. Additionally, the study analyzes the literary peculiarities of the novels and accounts of the low level of the artistic value in both of the novels. The achieved conclusions allow contending that Rand's representation of “rational egoism” though leans toward western individualism, yet contains Russian features that are reflected in transcending dualism between the individual and society.

Keywords: rational egoism, A. Rand, N.G. Chernyshevsky, political manifest, objectivism, utopia, popular literature, the individual and society.

Феномен популярности романа «Атлант расправил плечи» (1957 г.) американской писательницы русского происхождения Айн Рэнд (1905–1982 гг.) объясняется, в значительной степени, лежащей в его основе авторской философией «объективизма», предлагающей, хотя и спорные, ответы на многие вызовы современности. В политико-экономическом выражении объективизм сводится к неконтролируемому капитализму, в этике — к теории «разумного эгоизма». В основе фантастического сюжета романа лежит забастовка успешных предпринимателей против вмешательства государства в их производства. Тайно, один за другим, они покидают страну, предположительно по ряду географических названий США, с тем, чтобы в укромном месте, в ущелье в горах, устроить свою жизнь по принципам «объективизма». Экономика же страны, лишившись такой мощной подпитки, приходит в полный упадок, что, в свою очередь, приводит к полной деморализации населения. Роман, таким образом, состоит из двух частей — антиутопии и утопии.

Несмотря на заявленную автором оригинальность своей философской системы, можно заметить, что этическая теория Рэнд, основополагающая для всей ее философской системы, восходит к теории «разумного эгоизма» ее соотечественника Н.Г. Чернышевского (1828–1889 гг.). Так же, как у Рэнд, она облекается в художественную форму в его романе «Что делать?» (1863 г.). Сюжет романа завязан на том, что главная героиня, Вера Павловна Розальская, вырвавшаяся в результате удачного замужества из душающей обстановки родительской семьи, строит свою жизнь в кругу прогрессивно-настроенных людей в соответствии с критериями нравственности, в основе которых лежит «разумный эгоизм». Обращение же к истории идеи «разумного эгоизма» показывает, что возникла она еще задолго до Чернышевского. В новой истории с концепцией «разумного эгоизма» впервые выступили французские материалисты XVIII в.: Гельвеций, Дидро, Гольбах. Позже она была подхвачена английскими утилитаристами: Бентамом, Миллем. Философско-этическая концепция «разумного эгоизма» сводится к тому, что человек разумный всегда преследует свои личные интересы, не допуская при этом ущемления интересов других людей и общества в целом, что было бы для него крайне невыгодно и, как следствие, противоречило бы самой сути эгоизма.

Целью данной работы является выявление своеобразия этической категории «рационального эгоизма» Рэнд путем сопоставления магнум опус Рэнд и Чернышевского как художественного выражения их философских взглядов.

Актуальность данного исследования обусловлена дискуссионностью этической категории эгоизма в современном обществе, наблюдающейся в набирающем популярность утверждении нравственности эгоизма в противовес исторически сложившейся цивилизационной модели, основанной на альтруизме; в столкновении двух крайних взглядов на человека как прирожденного эгоиста и равного по категоричности утверждения о генетической заложенности таких этических начал, как человечность, доброта, жертвенность [Эфроимсон, 1971].

В основу данной статьи легли некоторые теоретические положения работ американского исследователя творчества Рэнд Кр. Скъябарры «Айн Рэнд: Русский Радикал» [Sciabarra, 2013] и русского культуролога А. Цветкова «Достоевский и Рэнд» [Цветков, 2002].

Несмотря на настойчивые заявления самой Рэнд о чуждости ей всего русского, истоки философии объективизма писательницы Скъябарра видит в русской культурной традиции, состоящей в стремлении к синтезу противоположностей в отличие от западной традиции фрагментации. Эта традиция сформировалась в самом начале развития русской философской мысли под влиянием диалектики Гегеля. В XIX в. стремление к преодолению дуализма было характерно как для славянофилов с их пристрастием к православию (мистицизму) и соборности, так и для западников с их приверженностью разуму и индивидуализму [Sciabarra, 2013]. В качестве одного из примеров Скъябарра приводит Чернышевского. Будучи западником, он, тем не менее, приближается к светской соборности [Sciabarra, 2013, с. 104] посредством своего этического идеала — особой формы психологического эгоизма, когда счастье и выгода одного человека совпадают с общей пользой.

В начале XX в. в эпоху расцвета русской культуры, названной по этой причине Серебряным веком, все существовавшие отечественные или популярные в России зарубежные философские и литературные направления (философские идеи В. Соловьева, неомистицизм, русский марксизм, ницшеанство, символизм в литературе) при всех своих различиях, исходя из все той же общей основы — гегелевской диалектики, также следовали этой традиции. Эта тенденция, по мнению ученого, не могла не сказаться на формировании мировоззрения Алисы Розенбаум, изучавшей в то время историю, философию и право, обучаясь по специальности «социальная педагогика» в Петроградском университете. Скъябарра утверждает, что «объективизм» Рэнд, отвергая присущие в той или иной степени вышеупомянутым философским системам мистицизм, альтруизм, коллективизм и государственничество [Sciabarra, 2013, с. 133], строится, тем не менее, в полном соответствии с русской традицией на преодолении дуализма между духом и плотью, разумом и эмоцией, моральным и практическим, индивидом и обществом [Sciabarra, 2013, с. 95].

Цветков также исследует истоки этической доктрины Рэнд. Он отмечает, что этическое учение Рэнд восходит к теории «разумного эгоизма» Чернышевского и Писарева, которую, в свою очередь, предвосхитила английская этика. В частности, Джон Мэндевил в своём «Трактате о пчелах» утверждал, что врожденный эгоизм человека должен быть использован на пользу общества. Трактат Мендевила был, в свою очередь, ответом на заявление эрла Шефсбери о врожденной добродетели человека. Отличие русского варианта «разумного эгоизма» от своего английского предшественника, по Цветкову, состоит в том, что в дихотомии «личность — общество» русский «разумный эгоизм» делает упор на личности, а не на обществе, что делает его «урезанным» и более примитивным, чем оригинал. Объединив в этом теории Рэнд и западников Чернышевского

и Писарева в русский вариант этой этической доктрины, Цветков далее различает их. Отличие Рэнд, жившей и работавшей на Западе, от Чернышевского и Писарева, живших в России, по Цветкову, заключается в её категоричности: коллективизм, ассоциируемый с социализмом, для нее абсолютно отрицателен, а индивидуализм, в его англосаксонском обличье, абсолютно положителен [Цветков, 2002].

Итак, в этой своей части работы Сьябарра и Цветкова, не расходясь в отношении Чернышевского, демонстрируют отличие относительно Рэнд: Сьябарра оставляет её в рамках русской традиции преодоления дуализма, Цветков же соотносит её с западной традицией, в терминологии Сьябарра, фрагментарной.

Далее Цветков диалектически рассматривает этику Рэнд в единстве с её противоположностью – этикой другого русского писателя, Ф.М. Достоевского. Отмечая сходство масштабов популярности обоих писателей на Западе при очевидной несоразмерности их художественных талантов, Цветков называет обе этики крайностями, в которую русская культура облачила английскую философию [Цветков, 2002]. Противопоставляя крайность этик Рэнд и Достоевского умеренности западной этики, Цветков вновь вписывает Рэнд в контекст русской культуры.

Оба исследователя отмечают также, что русская мысль всегда была человекоцентричной, тесно связанной с литературой и страстной [Sciabarra, 2013, с. 96; Цветков, 2002] в отличие от немецкой философии с её пристрастием к категории [Цветков, 2002]. Из этого следует, что теорию «разумного эгоизма» авторов, происходящих из русской культурной традиции, наиболее правомерно рассматривать не в качестве отдельной самостоятельной философской категории, а в органичной целостности литературных произведений, в которые она облачена. Необходимо, однако, отметить, что наиболее полное теоретическое обоснование теория «разумного эгоизма» у Рэнд находит в «Добродетели эгоизма» (1964 г.), одной из семи книг по философии «объективизма», которые она начинает писать после завершения работы над своим последним романом, «Атлантом». В своей публицистической книге Рэнд определяет место этики в своей философской системе как основополагающее [Рэнд, 2012, с. 40]; главное её назначение она видит в ценностях, вырабатываемых на основе принципа, который она формулирует как: «жизнь есть самоцель, следовательно, и каждый человек – самоцель, а не средство достижения каких-то целей или обеспечения благосостояния других ...» [Рэнд, 2012, с. 32]. Такой подход логически обосновывает её главный этический постулат: эгоизм – не зло, а добро.

Научная новизна данной работы состоит в исследовании несвойственной для русской культурной парадигмы апологетики эгоизма в литературном творчестве русских (в случае с Рэнд, русской по рождению и воспитанию) писателей, в попытке осмысления её возникновения и характерных особенностей путём сопоставления романов этих писателей.

Сравнению романов Чернышевского и Рэнд посвящена также статья А. В. Григоровской, в которой рассматривается, как общая для обоих произведений идея «разумного эгоизма» реализуется посредством концептов «свобода» и «не-свобода» [Григоровская, 2015].

Самым общим для философских романов Чернышевского и Рэнд является тот факт, что оба произведения либо использовались, либо до сих пор используются как политические манифесты. Оба произведения создавались писателями, крайне критически настроенными к существовавшей на время написания романов политической ситуации в своих странах. Роман Чернышевского был написан в России в середине XIX в. в годы глубокого кризиса царизма, когда ширилась волна народного недовольства: происходили крестьянские волнения, набирали силу студенческие выступления, возникали тайные революционные кружки, распространялись «подстрекательские» листовки и воззвания. Рэнд писала свой роман в США в середине XX в. в период широкого распространения левых настроений в американском обществе; в стране, которая, как ей казалось, скатывается к ненавистному ей коммунизму, подтверждением чему, в её глазах, служил проводимый президентом Рузвельтом «Новый курс».

В контексте данного исследования важно также отметить, что зачатки мировоззренческой системы обозначились у Рэнд ещё в первом её романе «Мы живые» (1936 г.), написанном под впечатлением пережитого в первые годы после Октябрьской революции в России. В «Атланте», написанном уже на совершенно другом историко-географическом материале, философские воззрения автора, зародившиеся ещё в России, обрели завершение и получили наиболее полное отражение. Из этого можно заключить, что в идейном отношении «Атлант» имеет те же русские истоки, что и «Что делать?» Чернышевского.

Неудовлетворённость писателей существующей ситуацией вылилась в романах в утопическую картину переустройства общества. У Чернышевского — это новый экономический строй, прообразом которого служат мастерские, созданные Верой Павловной на социалистических началах и этике «разумного эгоизма». У Рэнд такой утопией является Ущелье Голта, куда стекаются все самые эффективные производители страны и создают своё сообщество, успешное функционирование которого обусловлено принципами неконтролируемого капитализма в экономике и так же, как у Чернышевского, принципом рационального эгоизма в нравственной сфере. Таким образом, в этом ракурсе исследуемые романы сопоставляются как капиталистическая утопия Рэнд против социалистической утопии Чернышевского.

Оба писателя указывают также и методы достижения своих идеалов: для Чернышевского — это революция, которую готовят и в будущем совершат такие герои, как «особенный человек» Рахметов. Рэнд, на себе испытавшая ужасы революции, менее радикальна, и желаемого результата достигает путем обескровливания экономики страны, лишив её ума и труда тех, на ком она держится.

В качестве политических манифестов, произведения сопоставимы и по силе своего воздействия. Известно, какое влияние оказали идеи Чернышевского на В.И. Ульянова. Л. Данилкин, например, в книге «Ленин: Письмо тотемами» пишет, что «Что делать?» стала для будущего вождя пролетарской революции Библией [Данилкин, 2018, с. 53], а сам он оказался «идеальным кандидатом ... в реальной жизни» на вакансию «особенного человека» Рахметова [Данилкин, 2018, с. 23]. Удивительным образом, роман Рэнд «Атлант» также сопоставляется с Библией – он был признан Библиотекой Конгресса США в обзоре 1991 года второй по степени влияния книгой в США после Библии. Среди тех, кто подвергся влиянию идей Рэнд, есть также видные фигуры в политике и экономике: бывший председатель Совета управляющих Федеральной резервной системы США Алан Гринспен и бывший премьер-министр Австралии Малколм Фрейзер, Спикер Палаты представителей Конгресса США республиканец Пол Райан (увлекался Рэнд только в молодости) [Вайс, 2014], бывший экономический советник российского президента Андрей Илларионов [Эткинд, 2007, с. 53]. Уместно в этом контексте упомянуть и Дональда Трампа. Во время своей предвыборной кампании будущий американский президент заявил, что является фанатом Айн Рэнд и идентифицирует себя с протагонистом романа Рэнд «Источник» Говардом Рорком, который строил небоскрёбы и выступал против истеблишмента [Reich, 2018]. Итак, находясь на диаметрально противоположных политических позициях, оба произведения читаются как политическая программа.

Далее, оба произведения являются не самыми лучшими с точки зрения литературного мастерства, представляя собой достаточно скучную прозу с «ходульными героями, вымышленными сюжетами и картонными страстями» [Медведев, 2013]. Это лишний раз подчеркивает то обстоятельство, что художественная форма этих произведений служит лишь обрамлением для философских идей. Отсюда – многостраничные авторские рассуждения у Чернышевского и непомерно длинные монологи героев, рупоров авторских идей, у Рэнд; одномерность героев – носителям авторских философских идей непозволительны слабости и пороки, противники же авторской позиции, напротив, далеки от совершенства. Как остроумно высказался по этому поводу израильский писатель Алекс Тарн, герои Рэнд «даже потеют согласно заранее установленному стандарту: хорошие благоухают потом облагораживающего творческого труда, зато плохие воняют исключительно страхом и дурным умом» [Тарн, 2011]. Как следствие, психологизм, которым так славится русская литература, притупится в исследуемых произведениях в жертву философским абстракциям. Дополнительно снижению психологизма романа Рэнд способствует ещё и совершенная безаппеляционность его очевидно спорного нравственного посыла. В связи с этим, показательна категоричность оценки, данной самой Рэнд одному из романов Л.Н. Толстого, общепризнанному литературному шедевру. Она считает «Анну Каренину» «самой вредной книгой всей серьёзной литературы» из-за того, что «Толстой проповедовал смирение и пассивное подчинение обществу» [Рэнд, 2012, с. 116].

Такой невысокий уровень художественности, общий для обоих произведений, создается, однако, разными способами. У Рэнд — это типичные технологии массовой литературы XX в.: обращение к бытующим в массовом сознании мифам и собственное мифотворчество, формульная поэтика — приёмы, отвечающие запросам массового читателя. У Чернышевского — это публицистичность: в сюжет семейно-бытового романа включены беседы автора с героями, «публикой» и «проницательным читателем». Тон авторских бесед обуславливается собеседником: с героиней он сопереживающий; с «публикой» — уравновешенный, с «проницательным читателем» — ироничный и даже саркастический. Желание угодить читателю в таком приёме явно не прослеживается, как и в том, что пространственные авторские беседы «отвлекают» читателя от наиболее увлекательных, с позиций массовой литературы, любовных перипетий сюжета.

Интересна и сама авторская оценка своего мастерства. Чернышевский в беседе с «публикой» признаёт, что у него нет «ни тени художественного таланта», что его повесть «очень слаба по исполнению», однако что он «не хуже тех повествователей», которых публика считает великими, и что его роман не хуже их сочинений [Чернышевский, 1969, с. 34].

У Рэнд же оценка художественных достоинств своего романа гораздо выше. В своей литературоведческой теории она выделяет три возможные комбинации облачения абстрактных идей в конкретные образы: передача известных абстракций известными художественными способами (и оценивает это как популярный мусор — “popular trash”), передача старых абстракций новыми, оригинальными художественными средствами (это, в её оценке, хорошая литература) и передача новых, оригинальных абстракций новыми, оригинальными средствами [Peikoff, 1999, p. 15]. Здесь необходимо пояснить, что под новыми, оригинальными средствами она имеет в виду свой метод изложения истории «ярусами»: каждый читатель находит в романе ярус, отвечающий именно его вкусам — кем-то роман читается просто как развлекательная литература, а кто-то доходит до глубинного, философского уровня. Именно таким, новаторским как в области содержания, так и в области формы, она и видит свой роман.

Самым же главным объединяющим началом для романов является общность авторских этических воззрений, облаченных в единую концепцию «разумного эгоизма».

Оба автора утверждают нравственность эгоизма в противовес альтруизму, что идёт вразрез с многовековым нравственным опытом, в первую очередь, русской культуры. Так, герой Чернышевского Лопухов говорит: «То, что называют возвышенными чувствами, идеальными стремлениями, — всё это в общем ходе жизни совершенно ничтожно перед стремлением каждого к своей пользе, и в корне само состоит из того же стремления к пользе» [Чернышевский, 1969, с. 91]. Джон Голт из романа Рэнд заявляет: «Мораль, которая смеет учить вас искать счастье в отречении от своего счастья — ценить недостижение своих ценностей — это наглое отрицание

её ... По милости реальности и природы жизни каждый человек есть цель сама по себе; он существует ради себя, и достижение своего счастья – его высшая моральная цель» [Рэнд, 2016, с. 978].

Наиболее явственно такая позиция находит отражение в любовных сюжетах романов, так как программный тезис эгоиста – «никогда не жить ради другого человека и никогда не просить никого жить ради тебя» [Рэнд, 2016, с. 731], сформулированный героем Рэнд, – бросает вызов традиционному пониманию любви как самопожертвованию ради любимого человека.

Не удивительно, что любовные отношения героев обоих романов, разделяющих этические ценности, практически повторяют друг друга. Герой Чернышевского Дмитрий Лопухов, увидев, что между его возлюбленной Верой Павловной и другом Александром Кирсановым вспыхнуло, помимо их воли, глубокое чувство, добровольно уходит «со сцены». Альтруистический, на первый взгляд, поступок герой объясняет своим чистым эгоизмом: он не представляет своего счастья с женщиной, любящей другого. Каким-либо разумным объяснением тому, что все герои остаются в конечном итоге счастливы от этого поступка, может служить тот факт, что все они разделяют этику эгоизма. Такой же «эгоистический» поступок Лопухов совершает, когда для того, чтобы сократить срок Верочкиных страданий и вырвать её из ужасной семейной среды, решает отказаться от академической карьеры, о которой мечтал и которую успешно добивался, за два месяца до получения диплома. Свой эгоизм в этом случае он объясняет тем, что его поступок мотивирован не благополучием девушки, а своей собственной любовью к девушке. Единственное его опасение – возможная признательность девушки за, якобы, принесённую им жертву. В этом случае могло оказаться, что она не разделяет его позиции по эгоизму и не может быть близка ему идейно. Но девушка, к его счастью, не оправдала его опасений и оказалась такой же абсолютной эгоисткой.

В «Атланте», больше отвечающем канонам массовой литературы, любовный сюжет более разветвленный и еще более неправдоподобный. В романе развиваются три любовные линии, в центре которых одна и та же героиня, Дагни Таггарт. Все её партнеры являют собой законченное воплощение рационального эгоиста. Её первая любовь – друг детства, наследник огромной компании по добыче меди, Франциско Д'Анкония. Со времени совместных детских игр героев объединяет честолюбивое стремление стать во главе компаний и сделать их ещё успешнее, которое и порождает страстные любовные отношения. Следующим любовником Дагни становится Хэнк Риардэн, изобретатель и производитель нового вида стали с фантастически высокими качествами. Объединяющим фактором и здесь становится высокая деловая этика героев. Кульминации любовные чувства Дэгни достигают в отношениях с самым последовательным приверженцем «рационального эгоизма», зачинателем забастовки, Джоном Голтом, ради которого писательница разрывает все предыдущие привязанности своей героини. Так же, как у Чернышевского, у соперников нет чувства ревности друг к другу, однако обоснование такого поведения

своих героев у Рэнд несколько более рационализировано в отличие от простой житейской мудрости героя Чернышевского. Рэнд исходит из того, что во взаимоотношениях рациональных людей не возникает «конфликта интересов», так как разумный человек понимает, что может рассчитывать лишь на то, что реально достижимо; и если в каком-то вопросе ему предпочли другого, это значит не то, что его интересы были ущемлены, а то, что у другого было больше объективных оснований для победы [Рэнд, 2012, с. 70]. Трактовка эгоизма героем Чернышевского кажется более отвечающей традиционному пониманию эгоизма как преследование собственных интересов.

Отличие в нюансах «разумного эгоизма» Чернышевского и Рэнд проявляется и в другой, важнейшей для обоих романов, сфере трудовой деятельности героев. В обоих романах все главные герои – беззаветные труженики. Наиболее полно эгоистическую составляющую своего трудолюбия сформулировала героиня Чернышевского Вера Павловна. Для неё труд в своей швейной мастерской является пристрастием, таким же, как для иных пристрастие к деньгам, нарядам, балам. Её эгоизм заключается в удовлетворении своего пристрастия. Это бесхитрое признание героини Чернышевского полностью применимо и к рациональным героям Рэнд, которые также испытывают безграничное наслаждение от своей профессиональной деятельности. Однако развиваясь, эта общая исходная позиция героев Чернышевского и Рэнд приобретает заметное расхождение, проявляющееся в плоскости дихотомии «индивид – общество». У Чернышевского противоречие между личностью и обществом отсутствует. Наглядным проявлением этого является то, как распределяется прибыль в мастерской Веры Павловны. К удивлению нанятых ею швей, она, будучи владелицей мастерской, отказывается забирать всю прибыль себе, что было бы совершенно обоснованно с точки зрения капиталистического способа производства. Для Веры Павловны прибыль – «не вознаграждение за искусство той или иной личности», а результат общей работы [Чернышевский, 1969, с. 176], и поэтому – должна делиться поровну между всеми работницами мастерской. Со временем и работницы дорастают до осознания взаимосвязи личной и общественной пользы: они начинают откладывать часть прибыли как общий капитал, производить общие покупки по более низкой оптовой цене, проживать в общей квартире. Так Чернышевский создаёт идиллию социалистического общежития. Рэнд же, исходя из своего личного жизненного опыта жизни при социализме, приходит к совершенно противоположному умозаключению: коллектив нивелирует личность. И с тех самых пор начинается борьбу за личность против коллектива.

В романе Рэнд все герои самодостаточны. Ни один из них не обязан своим успехом своему окружению, будь то семья, друзья или коллеги. Более того, ни один из героев Рэнд не изображен в окружении трудового коллектива, что было бы естественно для романа с производственной тематикой. Напротив, общество в романе играет отрицательную роль. В лице государства оно связывает героев по рукам иррациональными указами и налогами, не даёт им возможность развивать

свои производства на основе здоровой конкуренции, а проповедуемая на уровне государства мораль альтруизма приучает население страны паразитировать на их труде. Однако даже с учётом всего этого авторитетный исследователь творчества американской писательницы Скъябарра доказательно утверждает, что Рэнд наследует русской философской традиции примирения противоположностей, в частности индивида и общества [Sciabarra, 2013].

Внимательное прочтение романа даёт этому определённое подтверждение. Каждый раз, изображая достижения своих героев, Рэнд подчеркнуто упоминает, какую пользу они приносят обществу. Все их изобретения, представленные в романе в виде научной фантастики – как открытия, намного опередившие свое время, служат прогрессу человечества. Это и сталь Риарден, названная по имени её изобретателя и производителя, которая прочнее, дешевле, долговечнее любого существующего металла. Это и мотор, изобретенный Голтом, который преобразовывает статическое электричество атмосферы в топливо для своей же работы, что делает его во много раз эффективнее двигателя внутреннего сгорания. Это и одна небольшая электростанция, способная заменить все существующие в стране электростанции и перенаправить годы человеческого труда и освобожденные материальные средства на достижение других высоких целей. Это и изобретённый Эллисом Виатом технологический процесс добычи нефти, считавшийся невозможным. Конечная цель его изобретения, рассуждает герой, не деньги, а освободившееся время. Дни и часы жизни в Ущелье, по его образному замечанию, уходят не в сточную канаву, как во внешнем мире, а расходуются на саму жизнь [Рэнд, 2016, с. 722]. Примечательно и то, что по убеждению Джона Голта, любое техническое сооружение значимо только тогда, когда оно служит для радости человека, его наслаждению жизнью. Подобные рассуждения героев о пользе своих изобретений и производств служат мостом между компонентами дихотомии «личность и общество». Согласно Скъябарре, в понимании Рэнд социальное противоречие между личностью и массами существует только при коммунизме ввиду проводимой государством принудительной коллективизации [Sciabarra, 2013, с. 289], когда индивид подавляется безликим коллективом, что неизбежно вызывает конфликт между индивидом и обществом [Sciabarra, 2013, с. 290]. Рэнд преодолевает подобный дуализм, собрав своих героев в добровольное сообщество, которое предоставляет каждому возможность сохранить свою индивидуальность и свое личное пространство, развивать свои уникальные качества в утопическом Ущелье Голта. Здесь можно заметить, что в «Атланте» Рэнд изображает противоречие между индивидом и обществом не в коммунистической стране, а в США – оплоте капитализма. Однако известно, что роман создавался в годы, когда в стране получили широкое распространение левые идеи, хорошо знакомые писательнице ещё по русскому периоду её жизни. И получается, что Рэнд не только преодолевает дуализм в соответствии с русской традицией в утопической части своего романа, но и подчеркнута сталкивает личность и общество с позиций русской, коммунистической, действительности в его антиутопической части.

Таким образом, этика эгоизма, выраженная в литературных произведениях Чернышевского и Рэнд, сформировалась на почве русской действительности; первая – предвосхищая социалистическую революцию, вторая – обличая её последствия и предупреждая подобное развитие событий на новой родине автора, в США. Такое различие в единых, в целом, истоках данной концепции находит отражение и в отличиях в её содержании. Если концепция эгоизма Чернышевского, чуждая по сути русской культуре, всё же соответствует русской традиции преодоления дуализма, то этика Рэнд демонстрирует черты как русской, объединяющей, так и западной, фрагментарной (пользуясь термином Скьяббара), традиции. Последнее, в свою очередь, отражает взаимодействие русской и американской идентичностей автора «Атланта». Можно предположить, что вышеизложенное своеобразие этого взаимодействия, а именно: привнесение характерного для русской традиции стремления к преодолению противоречия между личностью и обществом наряду с непримиримостью к подавлению личности в коллективе, придаёт определённую привлекательность этической теории Рэнд. В пользу этого свидетельствует неугасающая со временем популярность её романа. В целом же, на стыке русской и американской идентичностей Айн Рэнд обнаруживаются уникальные черты, открывающие возможности для дальнейшего исследования творчества русской эмигрантки, сделавшей блестящую интеллектуальную карьеру в США.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Вай Г. Вселенная Айн Рэнд: Тайная борьба за душу Америки. СПб.: Издательская группа «Лениздат», 2014. 448 с.

Григоровская А.В. «Что делать?» Н.Г. Чернышевского и «Атлант расправил плечи» Айн Рэнд: Россия об Америке и Америка о России // *Политическая лингвистика*. 2015. № 1(51). С. 158–163.

Данилкин Л.А. Ленин: Письмо тотемами. М.: Молодая гвардия, 2018. 557 с.

Медведев С. «Атлант расправил плечи»: Почему россияне читают скучную книгу. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/234067-atlant-raspravil-plechi-rochemu-rossiyane-chitayut-skuchnyu-knigu> (дата обращения – 10 сентября 2016 г.).

Рэнд А. Атлант расправил плечи. М.: Альпина Паблишер, 2016. 1131 с.

Рэнд А. Добродетель эгоизма. М.: Альпина Паблишер, 2012. 186 с.

Тарн А. Треугольник рационализма (Чернышевский – Набоков – Рэнд). URL: <http://www.alekstarn.com/rand.html> (дата обращения – 20 декабря 2018 г.).

Цветков А. Достоевский и Эйн Рэнд // *Октябрь*. 2002. №3. С. 159–163.

Чернышевский Н.Г. Что делать? М.: Художественная литература, 1969. 447 с.

Эткинд А. Non-fiction по-русски правда. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 336 с.

- Эфроимсон В. Родословная альтруизма // *Новый мир*. 1971. № 10. С. 193–213.
- Peikoff L. Introduction to the 35th Anniversary Edition // *Atlas Shrugged*. N.Y.: Penguin Group (USA) Inc., 1999. Pp. 9–5.
- Reich R. *Trump's Brand Ayn Rand*. URL: <https://www.commondreams.org/views/2018/03/07/trumps-brand-ayn-rand> (дата обращения – 21 декабря 2018 г.).
- Sciabarra Ch.M. *Ayn Rand: The Russian Radical*. Penn State University Press, 2013. 544 p.

REFERENCES

- Weiss H. *Vselennaya Ayn Rand: Tainaya bor'ba za dushu Ameriki* [Ayn Rand Nation: The Hidden Struggle for America's Soul]. Saint Petersburg: Lenizadat Publ., 2014. 448 p. (in Russian).
- Grigorovskaya A.V. "Chto delat'?" N.G. Chernyshevskogo i "Atlant raspravil plechi" Ain Rend: Rossiya ob Amerike i Amerika o Rossii ["What Is To Be Done?" by N.G. Chernyshevsky and "Atlas Shrugged" by A. Rand: Russia about Amerika and Amerika about Russia], in *Politicheskaya lingvistika*. 2015. № 1(51). Pp. 158–163 (in Russian).
- Danilkin L. *Lenin: Pis'mo totemami* [Lenin: Writing in Totems]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 2018. 557 p. (in Russian).
- Medvedev S. "Atlant raspravil plechi": Pochemu rossiyane chitayut skuchnuyu knigu ["Atlas Shrugged": Why Russians read a boring book]. Available at: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/234067-atlant-raspravil-plechi-pochemu-rossiyane-chitayut-skuchnuyu-knigu> (accessed 10 September 2016).
- Rand A. *Atlant raspravil plechi* [Atlas Shrugged]. Moscow: Alpina Publ., 2016. 1131 p. (in Russian).
- Rand A. *Dobrodetel' egoizma* [The Virtue of Selfishness]. Moscow: Alpina Publ., 2012. 186 p. (in Russian).
- Tarn A. *Treugol'nik ratsionalizma (Chernyshevsky – Nabokov – Rend)* [The triangle of rationalism (Chernyshevsky – Nabokov – Rand)]. Available at: <http://www.alekstarn.com/rand.html> (accessed 20 December 2018).
- Tsvetkov A. Dostoevsky i Ayn Rand [Dostoevsky and Ayn Rand], in *Oktyabr'*. 2002. № 3. Pp. 159–163 (in Russian).
- Chernyshevsky N.G. *Chto delat'?* [What Is To Be Done?]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969. 447 p. (in Russian).
- Etkind A. *Non-fiction po-russki Pravda* [Non-fiction is truth in Russian]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2007. 336 p. (in Russian).
- Efroimson V. Rodoslovnaya al'truizma [The genealogy of altruism], in *Novyi mir*. 1971. № 10. Pp. 193–213 (in Russian).

Peikoff L. Introduction to the 35th Anniversary Edition, in *Atlas Shrugged*. N.Y.: Penguin Group (USA) Inc., 1999. Pp. 9–5.

Reich R. *Trump's Brand Ayn Rand*. Available at: <https://www.commondreams.org/views/2018/03/07/trumps-brand-ayn-rand> (accessed 20 December 2018).

Sciabarra Ch.M. *Ayn Rand: The Russian Radical*. Penn State University Press, 2013. 544 p.